

СНЕЖИНКА

Луиза
Нилон

Луиза
Нилон

СНЕЖИНКА

Перевод с английского Любови Карцивадзе

16+

Louise Nealon
SNOWFLAKE

Copyright © Louise Nealon, 2021

First published in the UK in 2021 by Manilla Press, an imprint of Bonnier Books UK

Published in the Russian language by arrangement with *The Agency srl*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Перевод с английского Любови Карцивадзе

Нилон Л.

Снежинка / Луиза Нилон; [пер. с англ. Л. Карцивадзе]. — М.: Синдбад, 2021.

ISBN 978-5-00131-401-1

Дебби Уайт, выросшая на ферме с мамой, у которой, как считают многие, «не все в порядке с головой», и дядей Билли, питающим слабость к выпивке братом мамы, поступает в учебное заведение с самой высокой в Ирландии концентрацией привилегированных снобов — Тринити-колледж Дублинского университета. Для наивной и чувствительной Дебби это совершенно другой мир. Примет ли он ее? Примет ли она его?..

«Снежинка» — очень искренний и трогательный рассказ о том, каково это — взрослеть в двадцать первом веке.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»
Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2021

*Посвящается моим родителям Томми и Хильде — за
их мудрость, любовь и поддержку*

Трейлер

Дядя Билли живет в трейлере в поле за нашим домом. Впервые увидев на дороге другой трейлер, я решила, что кто-то — другой ребенок — похитил у меня дядю. Только тогда я и узнала, что трейлерам положено двигаться. Трейлер Билли никогда никуда не ездил. Его как поставили на бетонные блоки, так он и стоял у нас на задворках с самого моего рождения.

Я приходила к Билли по ночам, когда боялась ложиться спать. Билли разрешал мне выходить из дома, только когда из моего окна было видно луну и если я приносила ему из сада *желания*. Завидев в окне круглую, толстую луну в ночь своего восьмого дня рождения, я стремглав слетела по лестнице, выскочила в заднюю дверь и босиком помчалась по росистой траве, через живую изгородь, которая вцеплялась в меня колючками и тянула назад за рукава пижамы.

Я знала, где искать *желания*. За изгородью, возле трейлера, их росла целая россыпь. Я срывала одно за другим, наслаждаясь негромким треском стеблей, липким соком из обломанных концов, тем, как упругие головки пружинят друг о друга. Я бережно прикрывала цветы ладонью, словно свечу на ветру, стараясь не сбить ни одного шарика, не уступить его ночи.

Собирая цветы, я вертела в голове слоги — о-ду-ван-чик, о-ду-ван-чик, о-ду-ван-чик. Днем мы нашли это слово в большом словаре у Билли под кроватью. Дядя объяснил, что у английского слова «одуванчик» — *dandelion* — французское происхождение. *Dent-de-lion* по-французски значит «львиный зуб». Одуванчик начинает свою жизнь милашкой в желтой юбке из остроконечных лепестков, напоминающей балетную пачку.

— Это его дневной наряд, но рано или поздно цветок начинает клонить ко сну. Он увядает, выглядит усталым и помятым, но стоит подумать, что его песенка спета, — Билли вскинул кулак, — как он превращается в белый шарик. — Он раскрыл ладонь и достал из-за спины белый, похожий

на сладкую вату одуванчик. — В пушистую луну. В святое таинство желаний. — Он дал мне его сдуть, как задувают именинные свечи. — В созвездие грез.

Любуясь врученным мной букетом *желаний*, Билли открыл дверцу трейлера. Я сорвала все одуванчики, которые только смогла найти, — хотелось сразить его наповал.

— Так и знал, — сказал он. — Знал, что луна обязательно выйдет в твой день рождения.

Мы наполнили водой пустую банку из-под джема и сдули в нее пух с одуванчиковых головок. Пушинки плавали на поверхности, будто малюсенькие купальщики, лежащие на спине. Я закрыла крышку и встряхнула желания, чтобы устроить им праздник, увидеть, как они танцуют. Банку мы водрузили на стопку сырых газет, откуда желания могли смотреть в пластиковое окно трейлера.

Билли поставил кастрюлю с молоком на конфорку своей газовой плиты. Его кухня походила на игрушечную, которую я надеялась получить на Рождество. Меня всегда удивляло, когда в ней на самом деле удавалось что-то приготовить. Он разрешил мне помешивать молоко, пока оно не забулькало, и я отодвигала белую кожицу обратной стороной ложки. Потом он насыпал в кастрюлю какао, и я стала взбивать его ложкой, пока не заболело запястье. Мы перелили его дымящейся коричневой струей во фляжку и взяли с собой на крышу, куда пошли смотреть на звезды.

Семена одуванчиков полностью ушли под воду лишь через много дней. Они льнули к поверхности, свисали со своего водяного потолка, а потом то ли сдались, то ли заскучали. Но едва мир с ними распрощался, как вверх потянулись крошечные зеленые побеги — словно растения-русалочки отрастили себе хвосты под водой. Билли позвал меня к себе поглядеть на эту упрямую мелюзгу — на желания, отказывающиеся умирать.

В мой восемнадцатый день рождения стучаться к Билли было немного боязно. Я ведь давно не навещала его по ночам. Дверь трейлера холодила костяшки пальцев. Она была проложена резиновым уплотнителем, как дверца холодильника. Я вонзила ногти в тугую мякоть и потянула. От резинки оторвалась гладкая полоска, словно прожилка сала от куска окорока. Послышался шорох бумаги и тяжелые шаги. Билли открыл дверь, изо всех сил стараясь не показать, что удивлен.

— Ну, — сказал он, возвращаясь в кресло.

— Спящий красавец, — приветствовала его я.

Утром он проспал дойку, и мне пришлось его подменить.

— Ага, извиняюсь.

— Причем в мой день рождения.

— Ну, лажанулся. — Он скривился. — И как только наш преподобный Джеймс допустил, чтобы тебя подняли с постельки?

— Он был не в курсе. Мама забыла ему сообщить.

— Хороши гости на вечеринке! И сколько тебе стукнуло? Шестнадцать шоколадных?

— Восемнадцать вредных.

Видеть, как его лицо морщится в веселой усмешке, — уже победа. Я дождалась, пока он отвернется, чтобы наполнить чайник.

— Сегодня пришли ответы из колледжей, — сказала я.

Он выключил кран и оглянулся:

— Неужто сегодня?

— Ага. Я поступила в Тринити. Занятия со следующей недели.

Дядя, кажется, расстроился. Помедлив, он взял меня за плечи и вздохнул:

— Охренительно за тебя рад.

— Спасибо.

— На хрен чай. — Он отмахнулся. — На хрен чай, достану-ка я лучше виски.

Он стал копаться в шкафу. Тарелки задребезжали, башня мисок накренилась. Билли безуспешно пытался остановить

коленом посудную лавину. Мне хотелось поднять осколки, чтобы занять руки, но тут он с победным видом встал, выудив из шкафа бутылку «Джеймсона».

— С днем рождения, Дебс!

— Спасибо.

Я приняла бутылку виски из его рук, будто лотерейный приз.

Мы оба смущенно умолкли. Проявлять инициативу не хотелось. Я ведь теперь взрослая. И ничего выпрашивать не собираюсь.

— Небо сегодня ясное, — наконец сообщил он.

— И охренительный мороз, — добавила я.

— Если что, в шкафу есть грелка.

Билли потянулся к дверце в потолке, опустил раздвижную лестницу и потопал наверх в сапогах, волоча за собой спальник, точно сонный ребенок одеяло.

Я поставила чайник, чувствуя, как на меня таращится причудливое содержимое дядиного трейлера. Над кроватью висела деревянная модель аэроплана, на котором, как на качелях, сидел крошечный человечек с биноклем в руках. За французские усики мы окрестили его Пьером.

От горячей грелки рукам стало теплее. Я поднялась по лестнице, перешагивая через две ступеньки, и в лицо ударил ночной ветер. Точно на корабле. Забравшись в коконы спальников, мы улеглись на стальной оцинкованный лист, служивший кровлей жилищу Билли. Он был холодный и скользкий. Лежишь будто на льдине. Мы смотрели в небо так пристально, словно только сила наших взглядов и удерживала его на месте.

Вид, открывающийся с крыши трейлера, — единственное, что не уменьшается с годами. Нам было слышно, как хрустит трава под копытами коров. Они неспешно приближались и нюхали воздух, чтобы понять, что происходит. Я тоже втянула носом затхлый запах трейлера, исходящий от спальника. От Билли пахло табаком и соляжкой. Рукава его джемпера свисали над шерстяными митенками. Колочая щетина

топорщилась вокруг рта и тянулась по щекам до самых ушей, переходя в шевелюру.

— С тебя история, — сказал Билли.

— Нет настроения.

— Давай, — сказал он. — Я выберу звезду.

Я с напускным безразличием играла молнией спальника, потом заправила волосы за ухо и ждала, пока он укажет на какую-нибудь звезду.

— Полярную видишь?

— Где уж мне разглядеть самую яркую звезду на небе.

— Вообще-то самая яркая — Сириус.

— Ты сам говорил, что Полярная.

— Значит, я ошибался.

— Внезапненько!

— Ну так видишь? Я тебе ее показывал?

— Всего раз двести, только ты говорил, что она ярче всех.

— Она вторая по яркости.

— По-твоему, я должна различить вторую по яркости звезду?

— От нее мы ищем букву W.

— Знаю-знаю: та, что кажется самой яркой... а на самом деле нет.

— Я просто уточняю — вдруг мы говорим о разных звездах. Ладно, на хрен! Видишь пять звезд рядом с ней, кособокой буквой W?

Прищурившись на небо, я попыталась соединить точки линиями. Раньше я притворялась, будто вижу то же, что и Билли. Терпеть не могу, когда стараешься изо всех сил и все равно ничего не получается. Для меня это как разбирать шрифт Брайля, только из огоньков, горящих за миллиарды миллиардов миль от нас. Их слишком много — просто невыносимо, когда такое скопище таращится на тебя в ответ.

Чем старше я становлюсь, тем больше стараюсь. Билли разделяет звезды на картинки и истории, и различать их становится проще. Буква W нашлась одной из первых.

— Ага, знаю, — сказала я. — Похоже на кресло-качалку.

— Точно.

Я следила за его указательным пальцем, соединяющим звезды ровными прямыми линиями.

— Кресло Кассиопеи.

— Помню ее.

— Молодец. Вот про нее и расскажи.

— Билли, ты же знаешь эту историю.

— Но от тебя еще не слышал.

Я вздохнула, чтобы выиграть время. В голове постепенно начали собираться персонажи.

— Давай-давай, — поторопил Билли.

— В прошлой жизни Кассиопея была царицей — супругой Цефея, — начала я. — Он тоже там, наверху. Кассиопея была клевая. Красавица, типа, но ее считали странной. Вечно ходила с распущенными волосами и босиком, а люди такие все в шоке — все-таки царская особа. Она родила дочь Андромеду и научила ее самолюбию и самоуважению — по тем временам радикальная идея. Ее внутреннюю свободу принимали за надменность. Поговаривали, что эта хипповая царица расхаживает всюду босиком, любит себя и дочь учит тому же. Посейдону это не понравилось, он решил напомнить людям, кто тут главный, и наслал на царство ее мужа морское чудовище. Кассиопее сказали, что единственный способ спасти царство — это принести в жертву дочь, и царица согласилась. Она приковала Андромеду к скале на краю обрыва и оставила умирать.

— Сука, — заметил Билли.

— Ну, у нее не было выбора. Иначе чудовище бы всех убило.

— Греки были долбанные придурки. Можно я угадаю, что случилось с Андромедой?

— Попробуй.

— Ее спас прекрасный принц?

— Разумеется.

Билли передал мне бутылку. Виски обожгло горло.

— Персей убил морское чудовище, возвращаясь после убийства Медузы, и Андромеде пришлось выйти за него замуж из вежливости, — сообщила я.

— Классика жанра. А что случилось с Кассиопеей?

Я показала на созвездие:

— Вон она, сидит в своем кресле-качалке. Посейдон привязал ее намертво, так что над Северным полюсом она кружит вверх ногами. Навсегда прикованная к креслу, она будет в нем крутиться до скончания мира.

— Господи Иисусе. Наверное, когда половину времени висишь вверх тормашками, начинаешь видеть мир по-другому.

— У меня бы просто кружилась голова.

— Разве что поначалу, но потом ты бы привыкла.

— Спасибо, гравитация меня вполне устраивает.

— Значит, ты не против, если я спихну тебя с крыши? — Дядя толкнул меня так, что я вскрикнула и перекатилась на другой бок вместе со спальником.

— Билли, придурок! Не смешно!

— А покачать именинницу?¹

— Прекрати, — сказала я, но на душе у меня стало радостно и тепло.

Я думала об этой истории и снова отхлебнула из бутылки. Уже первый глоток виски закружил меня в небесах.

Пассажирка из пригорода

Сегодня первый день занятий, а я опоздала на поезд. Билли уверял, что я успею. Прежде чем подбросить меня на станцию, он слишком долго провозился с дойкой. И теперь я опаздывала. Сама точно не зная куда. Наверное, я спешила завести друзей. И беспокоилась, что к полудню всех хороших разберут. Начиналась ознакомительная неделя, а я видела фильмы про кампусы. Если мне суждено повстречать будущую лучшую подругу или возлюбленного, это непременно случится в первый день.

В Дублине я бывала только в декабре. Каждый год под Рождество Билли возил меня посмотреть на иллюминацию. Мое первое воспоминание о Дублине — как мы с Билли стоим на мосту О'Коннелла и дожидаемся автобуса домой. Мне тогда было лет пять-шесть. Когда тот наконец пришел, это было счастье — укрыться в нем от хлещущего дождя и ветра, выворачивающего зонтики. Билли постучал по окну водителя, показал ему десять евро, сложил купюру и, будто фокусник, попытался просунуть в щель для монет.

Водитель поглядел на него:

— И что прикажете с ней делать?

Билли вытащил купюру из щели и посторонился, давая расплатиться другим пассажирам.

— У тебя же наверняка полно мелочи, командир, — сказал он, кивая на звонко падающие в щель монеты.

— Я похож на разменный автомат? — Водитель в упор смотрел на нас, пока Билли не отступил.

Мы вышли из автобуса назад под дождь и после этого всегда ездили на поезде.

С незнакомыми людьми Билли вел себя странно. Казался гораздо менее уверенным. А когда просил взять его за руку, то было непонятно, кому из нас это нужнее.

И все-таки мы нашли удобный способ путешествовать по городу. Годы слились все вместе в один-единственный: вот мы останавливаемся у главпочтамта, чтобы отдать дань уважения древнему герою Кухулину и парням, погибшим за независимость, переходим мост и идем по Дейм-стрит до булочной на Томас-стрит, чтобы купить у страшной женщины с мучнистым лицом сосиски в тесте по пятьдесят центов за штуку. Как-то раз Билли угостил сигаретой бездомного на набережной канала. Мы посидели с ним на скамейке и душевно поболтали, как прихожане у церковных ворот после мессы.

На Графтон-стрит мы глядели, как в витрине универмага «Браун Томас» марионетка грозитя тупе молотком и гвоздем. Игрушечные поезда, пытая, кружили по заданным маршрутам. Билли спросил, кем я хочу стать, когда вырасту. Я показала на уличного артиста, раскрашенного под бронзовую статую, и сказала, что не отказалась бы стать одной из них, потому что их работа — радовать людей. Либо актрисой, либо священником.

— Ну-ну, удачи, — с улыбкой сказал дядя.

Билли всегда хотел, чтобы я подала документы в Тринити-колледж:

— Только туда и стоит поступать. Хотя они и зазнайки.

Он показывал на высокие каменные стены и решетку с острыми зубьями у бокового входа со стороны Нассау-стрит, но внутрь мы никогда не заходили. По-моему, дядя не понимал, что колледж открыт для публики. Мне всегда казалось, что Тринити — это как Шоушенк наоборот: чтобы туда попасть, надо подкупить Моргана Фримена сигаретами и прорыть подкоп.

В прошлом году, когда школа возила нас на выставку высшего образования, на стенде Тринити стоял не Морган Фримен, а серолицая женщина в темно-синем брючном костюме. Женщина вручила мне брошюру, смерила взглядом мою поношенную школьную форму и сказала, что для того, чтобы поступить в Тринити, требуются незаурядные

умственные способности. Она ошибалась. Никаких умственных способностей мне не потребовалось. Чтобы попасть в Тринити, не обязательно быть умной — достаточно простого упрямства.

В поезде я потеряла билет и заметила это только перед турникетами на станции Коннолли. Пришлось подойти к будке с надписью «Справочная» и сообщить об этом мужчине за стеклянным окошком.

— На какой станции вы сели? — спросил он.

— В Мейнуте.

— Сколько стоил билет?

— Не помню.

— Могу я взглянуть на ваши документы?

— У меня с собой ничего нет.

— Как тебя зовут, милая?

— Дебби. Мм, Дебора Уайт.

— Тебе есть восемнадцать?

— Да.

— Что ж, Дебора, с тебя штраф сто евро. — Мужчина показал на нижний угол окошка, где висело небольшое объявление с надписью «Штраф за безбилетный проезд», и сунул в окошко лист бумаги. Я пробежала его глазами: «...должен быть оплачен не позднее 21 дня... в случае неуплаты штрафа... взыскание в судебном порядке... может быть наложена пеня в размере до тысячи евро по решению суда».

— Я потеряла билет, — сказала я.

— Дорогуша, если бы ты купила билет, то запомнила бы, сколько он стоил.

— Но я правда не помню.

— Сомневаюсь. Покажи этот документ дежурному вон у того турникета, и он тебя выпустит.

Впервые я приехала в Дублин одна — и сразу в качестве преступницы.

Я поймала себя на том, что иду вслед за спешащей на работу женщиной. На ней кроссовки, юбка-карандаш и колготки, в одной руке стаканчик кофе, в другой — портфель. Она шагает так, словно пытается догнать остаток дня. Я держусь в нескольких шагах позади. Мы переходим широкий мост, который вибрирует от наших шагов и пружинит под ногами, будто пытаюсь нас приободрить.

Только на О'Коннелл-стрит я набралась смелости спросить у полицейского, как пройти к Тринити. Он рассмеялся, а я покраснела, сама себя ненавидя. И пошла в указанном им направлении с решительным видом, как будто знала, куда иду.

Я помедлила у ограды перед главным входом, глядя, как люди входят и выходят через мышиный лаз, ведущий в колледж, и раздумывала, зачем вход сделали таким маленьким. Мне вспомнился жуткий эпизод из «Опры», который я нечаянно услышала в шесть лет. Дедушка был еще жив, и дневные передачи были его слабостью. Пообедав в середине дня, он сидел перед теликом и смотрел либо «Опру», либо «Судью Джуди», либо «Слабое звено» с Энн Робинсон. В том выпуске «Опры» какой-то психолог с растрепанными волосами сказал, что, попадая в дверной проем, человек испытывает кратковременный провал в памяти. Зрительницы в зале ахнули и закивали, вспомнив, как часто, выйдя зачем-то из комнаты, останавливались как вкопанные и растерянно чесали в затылке.

Я отказывалась выходить из гостиной, в полной уверенности, что теперь, когда я знаю это свойство дверных проемов, они начисто сотрут мне память. Я цеплялась за кресло, зарывалась лицом в подушки, пинала и кусала маму за ладони, когда она пыталась меня поднять. Вечером я сдалась,

и мама потащила меня в кухню ужинать. Переступив порог, я задалась вопросом, скоро ли забуду, кто я такая.

Пожалуй, двери колледжа тоже способны на нечто подобное. Неважно, кто я. Стоит войти в них, и я изменяюсь. Я к этому не готова. Казалось, я шла на собственные похороны.

На случай, если за мной наблюдают, я сделала вид, что кого-то жду, — поглядывала то на телефон, то на часы, то на диковинную вереницу студентов: андрогинный гранж, блейзеры в стиле преппи, обрезанные брюки капри, джемперы от «Аберкромби и Фитч», футболки от «Ральф Лорен», сумки-тоут, украшенные значками неведомых политических кампаний.

Вот с велосипеда слезает девушка в желтом дождевике. Велик винтажный, с плетеной корзиной впереди. Поразительно, как ей удастся так здорово выглядеть в этом дождевике! Черные волосы. Челка. Веснушки. Пирсинг в носу. Вид у девушки был счастливый — радостное волнение, но ни малейшей растерянности.

На мне были мои лучшие джинсы и одна из дядиных клетчатых рубашек с закатанными рукавами. Я выглядела так, будто собралась копать картошку. Проводив девушку взглядом, — она исчезла в норе, ведущей на переднюю площадь, — я набрала в грудь воздуха и пошла следом.

Я стояла под растяжкой, провозглашающей неделю новичка, и страдала от всей этой новизны. Не знаю, на что я рассчитывала — видимо, на то, что желающим завести друзей выделяют специальный уголок. Обычно я не рискую заговорить с человеком, если не знаю его по имени, не знакома с его собакой и не видела его отца пьяным. Вокруг в палатках и шатрах толпились люди, которые, похоже, уже перезнакомились. Английский акцент отдавался от брусчатки. Я бродила, как застенчивый призрак, в ожидании, что кто-нибудь меня заметит.

— Привет!

— Господи.

— Извини, не хотел тебя пугать, — обратилось ко мне бородатое авокадо. — Я из Веганского общества, мы стремимся развеять мифы вокруг веганства. Давай сыграем в ассоциации. Допустим, я говорю «веган» — о чем ты думаешь в первую очередь?

— О Гитлере.

— Прошу прощения?

— Гитлер был веганом. По крайней мере, так говорят. Скорее всего, это пропаганда. Или брехня.

— Понятно, интересно. Ты по-прежнему ассоциируешь термин «веганство» с этим фактоидом, несмотря на то, что он давно опровергнут?

— Байки о Гитлере западают в память.

— Как думаешь, ты могла бы когда-нибудь стать веганкой?

— Не знаю. Я живу на молочной ферме.

— На молочных фермах младенцев отнимают у матерей, — то ли пошутил, то ли всерьез сообщил бородач. — Коров веками подвергали селекции ради человеческого потребления. Сегодняшние коровы — это чудовища Франкенштейна, все до единой.

— Но у Франкенштейна было только одно чудовище, — заметила я.

Он задумался и, похоже, пришел к некоему заключению.

— Вот именно, — сказал он, наставив на меня палец с таким видом, будто пересек финишную черту и выиграл спор.

— Как тебя зовут? — нерешительно спросила я.

— Рики.

— Рики, — повторила я. — Постараюсь запомнить.

— Неправда. — Кажется, Рики хотел сказать что-то еще, но не стал. — Выбирай веганство! — заключил он, вскинув кулак.

С деловитым видом я встала в конец какой-то очереди.

— Это очередь на регистрацию? — спросила меня девушка в желтом дождевике.

— Кажется, да.

— Здорово, мне как раз надо зарегистрироваться сегодня. Ты с какого факультета?

— Английской литературы, — сказала я.

— Ой, здорово, я тоже. Ты в общеаге?

— Чтo?

— Ты в общеаге? Ну, в общежитии живешь?

— Нет, я живу дома. Примерно в часе езды.

— Ой, так ты на поезде добираешься? И как оно? — Девушка расспрашивала меня с явной озабоченностью моим благополучием.

— Ну, я пока только один раз ездила.

— А, ну да, глупый вопрос. — Она ненадолго умолкла. — Кстати, я Санта.

— Приятно познакомиться, Санта. Классное имя.

— Спасибо большое. Родители обожают греческую мифологию.

— Ясно... — Я никогда не слышала ни об одной гречанке по имени Санта.

— А тебя как зовут?

Такие зеленые глаза, как у Санты, я видела только в музыкальных клипах.

— Дебби.

— Извини, просто... — Она засмеялась. — Ты только что показала на себя.

— Серьезно? Извини, я не привыкла сама представляться.

Санта была из Дублина, но говорила не так, как дублинские детишки из гэлтахтов². У тех выговор, будто у иностранцев. А у нее как у нормальной. Без выкрутасов. С ней наверняка что-то не так.

— Санта! — К нам подошла коренастая девушка в берете, дорогих очках и с коричневым кожаным портфелем.

— Приветик! Дебби, это моя соседка Орла. Она из Клэра.

— Приятно познакомиться! — Я крепко пожала девушке руку. Любой другой провинциал — конкуренция мне. Места хватит только для одной лохушки из захолустья. Впрочем, волновалась я зря: произношение у Орлы оказалось как у членов королевской семьи.

— Что сегодня делаем? — спросила она Санту.

— Мне надо зарегистрироваться, — ответила та.

— Здорово, мне тоже. — Орла достала из портфеля какую-то папку. — Кажется, у меня все с собой.

— Надо было что-то принести? — спохватилась я.

— У тебя что, нет бланков? — удивилась Орла.

— Каких бланков?

— Сперва нужно было зарегистрироваться онлайн. Тебе присылали имейл.

— Я его еще не видела, — ответила я. — У нас дома паршивый интернет.

— О боже. — Орла словно смутилась за меня. — Бесполезно стоять в очереди, если у тебя нет бланков.

Санта, склонив голову набок, глядела на меня, словно на прибившуюся к ней на двор бездомную собаку.

— Ничего страшного, можешь зарегистрироваться в любой день до конца недели, — наконец произнесла она. — Сейчас нам только выдадут презервативы и свистки от насильников.

— Интересно, парням тоже дадут свистки? — спросила Орла.

— Наверное, — ответила Санта. — Иначе получится сексизм.

— Не знаете, где можно найти компьютер? — спросила я.

— В библиотеке не смотрела? — Орла явно держала меня за идиотку.

— А, ну да, простите, — пробормотала я, с извинениями выбираясь из очереди.

— Тебе туда. — Орла показала в противоположную сторону.

— Спасибо.

Я притворилась, что иду в библиотеку, а сама открыла сумку и пересчитала мелочь — хватит ли на билет до дома.

Не Мод Гонн

Бросив сумку в кухне, я пошла прямым во двор. Билли я нашла в одном из стойл: он как раз собрался кормить новорожденную телку и сжимал в руках большую пластиковую поилку, из горлышка которой тянулась трубка. Заметив меня, дядя стал подкрадываться к жертве с преувеличенной осторожностью. Не успел он к ней прикоснуться, как та бросилась наутек.

— Иди сюда, поганец, — сказал он, хватая телку за хвост и притягивая к себе.

— Поганка, — поправила я. — Это девочка. И с коровами то же самое: ты вечно говоришь про них «сукин сын», хотя они дамы.

— В день, когда мне придется переживать о гендерной идентичности коров, я лягу на эвтаназию. — Дядя просунул пластиковую трубку в телкину глотку и поднял перевернутую бутылку у нее над головой. Молозиво медленно текло из бутылки в ее желудок. Интересно, чувствует ли она вкус?

— Вид у тебя как у мешком ударенной, — сказал Билли.

— Так и есть.

— Как все прошло?

Я покачала головой, ощущая, что краснею.

— Насколько плохо?

— Почему ты никогда не рассказывал, что бывают гречанки по имени Санта? — спросила я.

— Чего?

— Я познакомилась с девушкой. Ее зовут Санта.

— Рад за нее.

— Я думала, ты знаешь их всех.

— Греков-то? Всю древнюю цивилизацию? Я польщен.

— А говоришь о них так, будто знаешь.

Билли подпер щеку языком, словно пытаюсь сложить что-то в уме.

— Ты злишься, что я не рассказываю того, что ты, насколько мне казалось, и без меня знаешь. Так?

— Нет, я злюсь, что ты рассуждаешь обо всем, как хозяин.

— Вот это обвинение.

Перепрыгнув через створки стойла, я села на солому, скрестив ноги.

— А потом, я говорю как лохушка.

— Вот-вот. Та девушка... Ее часом не Ксантой зовут? Ксан-та. Это греческое имя.

— Гребаный стыд! — Я упала в солому. Кровь прилила к голове. — А я ее все время называла как Санта-Клауса!

— Ну, теперь ты знаешь.

— Как я вообще столько прожила, ничего не зная?

— «Я знаю, что ничего не знаю». Сократ. Кстати, другим людям он тоже известен. Я не скрываю его от народа.

Я вертела в пальцах соломинку. Если открыть и закрыть левый глаз, она превращается из двух размытых в одну четкую.

— Ненавижу быть душой.

— Ты не дура. Лучше сказать, наивная.

— А это уже унизительно.

— Ничего унизительного тут нет. Наивный — отличное слово. Поищи его в словаре.

— Отстань!

— От латинского *nativus* — естественный, врожденный. Тот же корень, что у французского *naître* — рождаться. — Дядя вынул поилку у телки изо рта. Трубка волочилась по соломе, словно пуповина. — Мы все наивны. Ничего иного нам не остается.

— Ты, наверное, жутко устаешь от своего глубокомыслия.

— Я научил тебя всему, что знаю. — Билли с лязгом распахнул створки стойла.

— Кажется, в этом-то и проблема.

— Перекусить мне не сделаешь?

— А у меня есть выбор?

Я протянула руку, и он поднял меня с соломы. Возле коровника валялись тридохлых теленка.

— Ничего странного не замечаешь? — спросил Билли, пнув среднего.

— Он мертвый?

Дядя перевернул теленка мыском ботинка.

— У него ноги из середины живота растут.

— Чернобыль какой-то... А с другими двумя что не так?

— Слишком крупные. Бык производит таких крупных телят, что девочки не могут их вытолкнуть. Я сделал все, что мог, но без потерь не обошлось.

— Ясно... — Я кивнула, пытаюсь совладать с эмоциями. Можно подумать, понимание ситуации делает ее легче.

Я достала из холодильника ветчину, помидоры, масло и метнула на стол.

— Какая у тебя первая ассоциация на слово «веган»? — спросила я.

— Гитлер, — ответил Билли.

— У меня тоже.

— Хотя он вряд ли был веганом.

— Ага, знаю. — Я разрезала помидоры черри пополам. — Я не успела подать на учебную субсидию.

— Почему?

— У меня аллергия на реальность.

— Лечись. А если я попробую оплатить тебе учебу за этот год?

— Ты не можешь себе это позволить.

Дядя налил воды в чайник через носик.

— А ты не можешь позволить себе не ходить в колледж. Тебе надо отсюда выбраться.

— Я не готова.

— Что значит «не готова»? Ты должна прямо рваться в город!

— Ну а я не рвусь. У нас даже интернета нормального нет.

— С крыши моей колымаги сигнал толком не ловится, — объяснил Билли.

- А на ноутбук у меня нет денег.
- Так вот из-за чего весь сыр-бор? Ты не можешь ходить в колледж из-за нашего паршивого интернет-соединения?
- Не только, полно других причин. Например, кто будет присматривать за мамой?
- Не твоя забота.
- Это ты так думаешь, но кто-то же должен за ней приглядывать. Тебя я не считаю.
- По правде говоря, ты и сама не слишком здорово с этим справляешься. — Дядя уселся за стол. — С каких пор ты заделалась матерью Терезой? Ты ищешь предлог остаться, хотя должна бы рвать отсюда когти.
- Всего на год. Я могу взять академ — отложить учебу и вернуться в следующем году. И тогда уже сделать все как следует.
- Когда ни начинай, время всегда неподходящее.
- Неправда. Я хочу жить в городе.
- Погоди-ка. — Билли, вскинув ладонь, проглотил разом полсэндвича. — Давай проясним: ты вернулась пришибленная, проведя там каких-то несколько часов, а теперь хочешь туда переехать?
- Я подам заявку на место в общежитии.
- В городе, который только что напугал тебя до усрачки?
- За год я накоплю. Ты не обязан платить мне столько же, сколько Джеймсу.
- Не бойся, я плачу ему куда меньше, чем следует, за всю его работу по хозяйству, не говоря уже о том, сколько он нянчится с твоей матерью. Все это он делает на общественных началах.
- Просто плати мне достаточно, чтобы в следующем году я смогла съехать.
- И просадить все сбережения на съемную конуру в городе?
- Все так делают.
- Облизнув указательные пальцы, дядя, как ребенок, принялся подбирать ими со стола крошки черного хлеба.
- Поглядим, может, куплю тебе трейлер.
- Это значит «да»? — спрашиваю я.

— Это не значит ровным счетом ни фигя.

— В любом случае я не вернусь. Не могу.

— Можешь и вернешься.

— Ты меня не заставишь.

— Господи, Дебс, сама-то себя послушай. Ты хоть понимаешь, что кочевряжишься, как избалованная девчонка? Провела денек в Дублине — и нате.

Я запрокинула голову, пытаюсь сдержать слезы. Они у меня всегда близко лежат. От ненависти к себе плакать хочется еще больше. Я всхлипнула.

Билли вздохнул, смущенный:

— Да брось, этого только не хватало. Выше нос, снежинка!

— *Не называй меня так.*

— Не называй меня так, — передразнил он.

— Ты как малый ребенок, — огрызнулась я, но прием сработал: плакать я перестала. Я вытерла слезы рукавами рубашки.

— Дебс. — Дядя дождался, пока я подниму на него глаза. — Ты боишься Дублина. Не позволяй страху тебя остановить. Узнай город получше.

— Ты понимаешь, что в городе я знаю только казармы Коллинза и главпочтамт, куда таскалась с тобой на пару?

— Я пытался тебя радикализировать. Ты ведь у нас не Мод Гонн.

— Так и она была не бог весть что. Муза ирландской революции родом из Англии. — Я обмакнула в чай печенье с инжиром. — Ничего себе поворот!

— Ее отец — из графства Мейо, а в Англии она родилась не по своей вине. И как бы то ни было, от наивности она избавилась.

Размякшее печенье едва не упало в чай, но я успела поймать его ртом.

— Она позволила себя мифологизировать.

— Разве это плохо?

— По-моему, да.

Билли встал и в одних носках скользнул к задней двери.

— Ты отправляешься в колледж в этом году. Если мне придется взять расходы на себя, так тому и быть. — Он нагнулся надеть ботинки. — Учись водить, а с интернетом я разберусь, — сказал он и хлопнул дверью.

Сирша

Наш дом прячется в ложбине у подножия холма. Именуемого Холмом Часовщика в честь мужчины, который живет в одноэтажном доме на его вершине. Я не знаю ни его настоящего имени, ни почему его прозвали Часовщиком. Каждый день Часовщик проезжал на велике мимо наших ворот по пути в магазин за газетой. Никогда не здоровался, пахло от него старым торфом, и он единственный из всех моих знакомых курил трубку. Иногда, когда мы перегоняли стадо, Джеймс просил его постоять в воротах, и тогда я чувствовала себя обязанной с ним разговаривать, потому что он старый и одинокий. Он был немногословен, но иногда пытался угадать мой возраст. Всякий раз он ошибался в меньшую сторону и, когда я давала себе труд его поправить, смотрел с недоверием.

Луга по обеим сторонам дороги, спускающейся от дома Часовщика в деревню, пестрели от наших коров. Над кронами деревьев высился церковный шпиль. Живые изгороди были подстрижены, чтобы не загораживать пейзаж, открывавшийся между стволами двух дубов. В складке холма напротив нашего дома знак с ирландской надписью «Добро пожаловать!» приветствовал всех проезжающих нашу деревню.

Раньше на ограде возле наших ворот висела деревянная табличка. Билли вырезал ее мне в подарок на седьмой день рождения. Я очень хотела лошадь, но мама не разрешила. Вместо этого мне позволили дать имя нашему дому, что не было никаким подарком, но Билли сумел превратить в дорогой подарок то, что не стоило ни гроша. Я назвала дом так же, как собиралась назвать лошадку — Сирша, «свобода», в честь той свободы, которую мечтала ощутить, пустив лошадь галопом с холма к нам во двор.

Имя продержалось несколько месяцев, пока посреди ночи в наш сад не влетела чужая машина. Она была синяя, с поднятым спойлером, который перелетел через нашу живую

изгородь, отскочив при ударе об ограду. Машина слишком быстро гнала вниз с холма; на покрытом черным льдом участке поворота ее занесло, завертело и отбросило прямо на табличку с надписью «Сирша». Погиб девятнадцатилетний парень. Иногда в годовщину его смерти родные оставляли у нашей ограды букет белых лилий. Мы смотрели, как они увядают, завернутые в грязный пластик.

В ночь той аварии мне приснился сон. В нем я была парнем и сидела за рулем. Сам сон я почти забыла, но помню, как он закончился. Я до последней секунды не видела крутой поворот у подножия холма, резко затормозила, ощутила под шинами лед — возвращаться было даже приятно. В голове пронеслась прекрасная мысль. Мир закружил меня, как женщина вдруг заставляет тебя сделать оборот на танцполе, и ты чувствуешь себя немного глупо, немного немужественно, — но это не важно, это всего-навсего шалость и ты наверняка ей нравишься...

По словам мамы, я проснулась с криком прежде, чем мы услышали, как машина врезалась в ограду. Я была безутешна. Парень погиб по моей вине. Он ворвался ко мне в голову, и я помешала ему попасть в рай. Его разорвало на куски, убило вместе с машиной, обломки которой мы не переставали обнаруживать в саду. Я постоянно ревела, выла у себя в постели. Мама изо всех сил старалась меня успокоить.

Я начала ходить по ночам в трейлер. Однажды у Билли лопнуло терпение. Я сказала ему, что не могу уснуть, потому что тот парень остался у меня внутри. Дядя так сильно шлепнул меня по лицу, что я до сих пор не уверена, что это случилось на самом деле.

— Эта авария не имеет к тебе никакого отношения!.. — закричал он, а потом, закрыв лицо руками, сказал, что зол не на меня. Билли злился на мою мать.

Табличку с надписью «Сирша» мы так и не заменили. Билли о ней забыл, а я не решалась ему напомнить. Иногда по ночам мне до сих пор не спится от страха, что следующая машина, следующий призрак вот-вот потерпит крушение у нас в саду по пути к забвению.

Шлюхины ожоги

Выглянув из кухонного окна, я увидела на заднем дворе мать. Совершенно голая, она танцевала в зарослях крапивы. Стебли тянулись к ее груди, будто пальмовые листья в руках благоговейной толпы. Мамин позвоночник изгибался, и то одно плечо, то другое точно целовало ее под подбородок. Ладони описывали полукружья, словно она брела в воде. Казалось, крапива совсем ее не жалит, но тут мама показалась из зарослей, и я увидела, что все ее тело точно ошпарено.

К тому времени, как мужчины пришли на обед, она успела расчесать ожоги до крови. Билли сделал вид, что не заметил. Однажды, напившись, он назвал их шлюхиными ожогами.

Когда мама подала тарелку Джеймсу, он протянул руку и погладил красную сыпь с белыми волдырями, покрывающую ее кожу.

— Что с тобой случилось? — спросил он.

— Немного обожглась крапивой.

— Немного? Ты вся в ожогах. Ты что, упала в заросли?

— Нет, прыгнула.

— Что?

Мама заверила его, что обожглась нарочно.

— Чего ради тебе это понадобилось?

— Крапива содержит серотонин. Поэтому она и жжется: ее шипы, словно природные шприцы, вкалывают людям химикат счастья. Это полезно.

— Неужели?

— Да.

Поразмыслив мгновение, Джеймс кивнул:

— Ясно.

— С тобой, Мейв, Джимбоб рад будет нырнуть в крапиву головой вперед, — сообщил Билли, сосредоточенно обдирая шелуху с картофелины.

— Ну, я бы так не сказал.

— Если хочется наркоты, есть способы получше, — продолжал Билли.

— Помни про закон двух «Б»: блаженство и боль. Не зря их увязывают друг с другом, — напомнил Джеймс.

— Только в его случае это закон двух «П»: пьянство и похмелье, — добавила мама.

Шутка была не слишком смешная, но Джеймс захохотал так, что затрясся стол.

— Как всем нам известно, видов алкашей столько же, сколько звезд на небе. К счастью, я отношусь к общительным алкашам. Некоторым хватает серотонина, чтобы сидеть по домам и накачиваться вином прямо в кровати...

— Господи, Билли, расслабься! Это просто шутка, — сказал Джеймс.

— Ну, в любой шутке есть доля шутки.

И так каждый день. Мама с Джеймсом против нас с Билли. Состав команд определялся еще до того, как мы сели за стол.

У меня никогда не укладывалось в голове, что меня родила моя мать. Куда правдоподобнее казалось, что я возникла из навозной жижи, такая адская Венера, или вылезла из коровьей задницы. Я бы поняла, если бы моим папашей оказался Джеймс, потому что он любил маму, но, когда я родилась, ему было всего шесть лет. Джеймса зашили в рабочий комбинезон, как только он появился на свет в безземельной семье. В свои шестнадцать он подавал пиво в пабе своей матери, когда скончался мой дедушка. Билли позвал Джеймса к нам работать, и он оказался подарком судьбы, готовым доить коров, чинить заборы и принимать отел в любое время дня и ночи. Да и мама, убитая горем после смерти своего отца, оживлялась при его появлении.

Джеймс был старше меня всего на шесть лет. Он стал первым мужчиной, чье лицо я воображала, целуя по ночам подушку.